

Бай Лао смог вернуться к своей уже привычной жизни только через неделю. Задания Чуньшен, обучение у Цин Юань — всё вернулось на круги своя, словно и не было вовсе того ужасного, кровавого рассвета, что будто отпечатался на внутренней стороне век и жёг огнём, стоит только закрыть глаза. Время снова замерло как гладь туманного озера, а прошедшая неделя, без сомнения странная, лишь отзывалась лёгкой рябью по поверхности — словно брошенный камень, потревоживший, но так быстро ушедший на дно.

Бай Лао плохо помнит, как покинул храм. Однако до сих пор отчётливо ощущает на языке горечь рвоты, когда от всплеска эмоций сгибался пополам за его пределами, размазывая по щекам пустынный песок с коркой солёных слёз; густой запах храмовых благовоний и крови до сих пор так ярко свербит в носу. В глубине души Бай Лао пребывал в смятении — казалось странно неправильным жалеть человека, разрушившего его прежний дом, убившего тех, кто, как бы то ни было, считались его семьёй. Не желать крови человека, руки которого уже были запачканы кровью его же сородичей, казалось абсурдным, даже противоестественным. Вспомнив ту огненную ночь, разрушенную деревню, остекленевшие лисьи глаза и растерзанные тела, Бай Лао вздрогнул и прислушался к себе — в ту ночь ему было страшно. Страшно встретить такую же бесславную, унижительную смерть. Его жизнь в деревне не была счастливой. В день наказания ему тоже было страшно. Но этот страх был другим — страх снова увидеть остекленевшие глаза человека, подарившего ему возможность начать сначала. Его жизнь во дворце ещё могла стать счастливой.

В первые два дня Фэн Ся был плох. Адепты привели его в чувства ещё в храме, и князь сухо распорядился сопроводить его, с трудом переставляющего ноги, в личные покои. Тот день стал первым для Бай Лао, когда его пустили во дворец дальше тронного зала. Он семенял за Цин Юань, опасливо озираясь, будто боялся, что какой-нибудь стражник обязательно вышвырнет его прямо за шкуру как дворового щенка, кем, по сути, он и являлся. Убранство дворца было великолепным. Если в гареме, к обстановке которого, Бай Лао уже успел привыкнуть, танцевали тени, царил таинственный полумрак и сквозняки загадочно играли алыми шелками, то дворец, напротив, будто утопал в солнечном свете. Нефритовые украшения, картины с блестящими золотыми нитями, фениксы, величаво расправившие крылья и солнце, следовавшее по пятам, за какой угол не поверни — всё это завораживало, захватывало дух. Но Бай Лао не мог позволить себе глазеть, стараясь смотреть только под ноги, только на тёмно-синий подол ханьфу Цин Юань, что в свете солнечных лучей искрилось чарующими оттенками звёздной ночи.

Покои Фэн Ся, на удивление, оказались довольно скромными. Они расположились на втором этаже, открываясь видом во внутренний двор с садом. В них пахло жаром пустыни, лёгкой свежестью уличного фонтана и сладостью цветущих вишен. Мелкими блёстками в золотых лучах кружились пылинки, оседая на светлом шёлке простыней. В комнате не было ничего вычурного — кровать средних размеров из красного дерева с резным изголовьем, ширма с завораживающим пейзажем далёкого путника в охристых пустынных барханах, полки со старыми свитками. На первый взгляд даже нельзя было сказать, что покои принадлежали княжескому сыну. Станным Бай Лао показалось и отсутствие фениксов, что во дворце смотрели на него отовсюду — с картин на стенах, с орнаментов на полу, с нефритовых изваяний и даже с резьбы лестничных перил. Покои Фэн Ся были уютными, но даже они безмолвно указывали на его странное, будто бы пограничное положение.

Светлые простыни окрасились грязными бордовыми разводами, стоило Фэн Ся свалиться на

них почти бессознательно. Раны, бахромчатые, успевшие стянуться неплотными корками промывались плохо и всё сочились и сочились, растревоженные хотя уже мягким, но воздействием. Вода в неглубоком тазике Бай Лао напоминала ржавчину, по поверхности причудливыми узорами блестели масляные разводы, на дно опускались размоченные кровавые корки — Бай Лао менял её, должно быть, не меньше десятка раз. Взяв чистую ткань, он аккуратно прошёлся по лицу — стёр запёкшуюся кровь под носом, с пересохших искусанных губ, приложил к глазам, размочив слипшиеся ресницы. Кожа Фэн Ся, покрытая болезной испариной, обжигала. Весь его вид для Бай Лао был ужасно неправильным — он запомнился ему воплощением дикого пламени — ему должно гореть от величественной силы, а не от удушающей лихорадки.

Пока Бай Лао тщательно промывал раны на спине, Цин Юань успела обработать руки, один взгляд на которые внушал ужас. Пальцы покрылись сочащимися волдырями и распухли. Из-под бинтов, пропитанных целебными отварами, неровными кляксами проступало жёлтое и красное.

В воздухе горько пахло травяными лекарствами, лихорадочным потом и кровью. Мыслями Бай Лао возвращался к тонкому аромату цветущей вишни, встретившему его, когда они только переступили порог этих покоев. Его затошнило.

— Второй молодой господин не так хрупок, как тебе кажется, — сказала Цин Юань, коснувшись его плеча, — уже завтра он пойдёт на поправку, вот увидишь.

Бай Лао опустил взгляд. Он сидел на коленях, сжимая в тазу грязно-бурую ткань. Фэн Ся, перемотанный лечебными бинтами, лежал на животе, тяжело дыша. Бай Лао по-прежнему тошнило, но он нашёл в себе силы несмело кивнуть.

В гарем он тогда вернулся под вечер, бледный и измученный. Он думал, что Чуньшен будет злиться и ругаться, но слухи во дворце распространяются, действительно, быстро, и она уже знала о случившемся. Однако, хотя и не на него, Чуньшен всё равно злилась.

— Эта...женщина, — с явным презрением говорила она, мягко расчёсывая ему волосы, — ты не должен был этого видеть.

И, наверное, она была права. В конце концов, у Цин Юань не было такой уж большой необходимости в присутствии ребёнка. Во дворце полно слуг, которые могли бы оказаться ей куда более полезными. Но даже если у Цин Юань были свои мотивы, Бай Лао странным образом ей благодарен, хотя в глубине души он бы, действительно, предпочёл этого не видеть.

В тот вечер Бай Лао, совершенно неподобающе для слуги, плакал, уткнувшись в ароматные шелковые одежды. Как если бы у него была любящая мать, способная утешить и приласкать. В тот вечер Чуньшен, совершенно неподобающе для госпожи, гладила детские волосы и пела колыбельные. Как если бы у неё был сын, нуждающийся в её заботе.

На второй день Фэн Ся не пошёл на поправку, как уверяла Цин Юань. Его всё ещё била лихорадка, бинты пропитались кровью открывшихся ран. Снова повторились десятки тазов с окрашенной ржавым водой. В покоях не осталось даже отголоска того аромата цветущей вишни — лишь горечь трав и железо.

Цин Юань оставалась невозмутимо собранной, показывая Бай Лао, как правильно наносить мази, с какой силой затягивать бинты и как заставить полубессознательного человека безопасно проглотить горькую лекарственную жижу.

Фэн Ся, как и любой больной, разрываемый болью и лихорадкой, не мог лежать смирно, всё время сдвигая повязки и тревожа свежие раны. Бай Лао мимолётно вспомнил свои первые дни в роли слуги, хлёсткие удары ивового прута, когда он во сне принимал недопустимую позу. Чуньшен забрала его раньше, чем он успел привыкнуть, но даже в её покоях первое время сон не был крепким — Бай Лао всё ещё боялся и ждал удара, проснувшись на животе или спине. Возможно, подумал он, имей Фэн Ся такое обучение, это было бы единственным случаем, когда оно бы, действительно, пригодилось. Но Фэн Ся, каким бы неоднозначным ни было его положение, не слуга, и думать об этом было глупо.

На вторую ночь им с Цин Юань пришлось привязать его к кровати.

Только на третий день Фэн Ся, действительно, начал восстанавливаться. Молодое заклинательское ядро, оправившись от стресса, наконец, активизировалось, разгоняя энергию по венам. Бай Лао и Цин Юань нашли его сидящим на кровати и недовольно растирающим запястья, видимо, затёкшие за ночь от пут. С крепко забинтованными ладонями получалось у него не очень-то хорошо. Как он вообще смог отвязать себя от кровати оставалось загадкой.

Сощурившись на вошедших, он заговорил с неприкрытым раздражением.

— Неужто раны настолько серьёзны, что сама великая предсказательница почтила меня своим вниманием?

Голос Фэн Ся после нескольких дней молчания немного хрипел, но оставался полон решительной уверенности. Цин Юань на поддёвку даже бровью не повела, привычно раскладывая на низком столике чистые бинты и пахучие мази. Бай Лао же замер в дверях, отчего-то не решаясь поднять глаз. До сегодняшнего дня их общение с Фэн Ся не было тесным и находиться в его покоях казалось странно неправильным.

— Как бы то ни было, — тем временем заговорила Цин Юань, — я не желаю вреда ни вам, молодой господин, ни вашему брату.

Фэн Ся фыркнул. Внутренне Бай Лао понимал, что у столь неуважительного общения, наверняка, есть причины, но с высоты своего положения, а точнее, его отсутствия подобное ощущалось странно.

— Конечно. Именно поэтому ты убедила отца отправить родного сына на сожжение? Как бы то ни было, — вернул шпильку Фэн Ся, — я вынужден быть благодарным за оказанное внимание, но дальше я справлюсь сам.

Фэн Ся, определённо, был упрям. Но Цин Юань едва ли ему уступала. Несмотря на явный конфликт, они даже были чем-то похожи. Цин Юань уже отмерила нужное количество бинтов, оставаясь по-прежнему невозмутимой. Изогнув в усмешке самые уголки губ, она обратилась к своему замершему ученику:

— А-Лао, попроси кого-нибудь из слуг проводить тебя на кухню. Кажется, у молодого господина от голода помутился рассудок. Принеси что-нибудь, желательно лёгкое и жидкое.

Бай Лао, активно закивав, выскочил за дверь. Найти кого-то из прислуги в огромном дворце оказалось не так уж сложно. Улыбчивая дама почтенного возраста, выслушав неуверенное бормотание ребёнка, добродушно поманила его за собой. Бай Лао чувствовал себя крайне некомфортно — ни разу ещё ему не доводилось ходить по дворцу самостоятельно и, уж тем более, где это видано слуге требовать что-то от слуги. Но женщину, кажется, вовсе ничего не смущало. Она лишь болтала, что помнит Фэн Ся сорванцом младше самого Бай Лао и что доля ему выпала совсем уж незавидная.

— Родной сын в немилости у отца, — причитала она, — лучше и вовсе тогда без него.

Бай Лао, конечно, мог бы с ней и поспорить.

Вернувшись с кухни с тарелкой какого-то ароматного овощного бульона и горячим чаем, Бай Лао, к своему ужасу, не обнаружил в покоях Цин Юань. Низкий столик возле окна тоже опустел от бинтов и лекарств. Ситуация хуже не придумать — насколько уместно Бай Лао находится здесь? Должен ли он оставить еду и уйти? Должен ли он что-то говорить? Он снова замер в дверях. Встретить Фэн Ся на территории гарема возле фонтана казалось естественным и простым, остаться наедине в его же покоях — неправильным.

Сам же Фэн Ся будто вовсе не обратил на него внимания. Он сидел на кровати, прикрыв глаза, в неглубокой медитации. Бинты были свежими, а в воздухе снова едва уловимо витал аромат цветущей вишни, ещё смешанный с запахом лекарственных трав, но уже без кровавых нот.

— Сяньшен? — несмело пролепетал Бай Лао, сжимая поднос до побелевших костяшек. — Еда... Суп остывает...

Фэн Ся приоткрыл глаза. Тягучий жидкий огонь чужого взгляда огладил сжавшегося мальчишку. Поманив его к себе, Фэн Ся усмехнулся. Этот ребёнок так отчаянно ливший по нему слёзы в храме, всё ещё боялся его — человека, не столь сильно старше, но несущего с собой смерть, огонь и кровь.

Сейчас Бай Лао выглядел очаровательно в своей нелепости, но Фэн Ся мог бы поспорить, кто из них двоих, по итогу, может оказаться более смертоносным.

Их знакомство, несомненно, нельзя назвать удачным. Но Фэн Ся чувствовал к этому несчастному ребёнку странную симпатию — на них обоих смотрят и всегда будут смотреть через призму деяний их матерей. И если у принца, пусть и опального, есть определённые возможности и люди, благодаря которым можно почувствовать себя лучше, то у ребёнка демоницы таких едва ли наберётся с горстку. В конце-концов, Фэн Ся хорошо помнил себя в его возрасте — обиженный, потерянный и униженный. Что ему стоит проявить доброту?

— Как твоё имя? — Спросил он, принимая поднос и подцепляя ложку. Забинтованные пальцы слушались плохо и получилось не с первого раза, но Фэн Ся и не думал обращать внимание на такой пустяк — он бы и глазом не моргнул, даже потребуй от него кто-нибудь взяться за оружие.

Бай Лао восторженно. Едва ли он ожидал, что с ним захотят продолжить беседу, но кем он был таким, чтобы отказываться.

— Разве сяншэн не знает моего имени?

Фэн Ся усмехнулся. Что за очаровательное неуважение?

— Я знаю твоё имя лишь потому, что его знают все остальные. И разве не должно ответить, когда твой сяншэн спрашивает? И, пожалуйста, не стой у меня над душой, сядь.

Бай Лао ступешался. Сбивчиво извинившись, он назвал своё имя и заозирался по сторонам. Ситуация становилась абсурдной и до дикого неловкой. Не найдя, куда можно сесть, Бай Лао оказался на распутье — он мог опуститься на колени перед кроватью или сесть на саму кровать. Но было ли это уместным? Фэн Ся не спешил облегчать задачу, крутя в пальцах ложку, пытаясь заставить израненные пальцы хотя бы немного слушаться.

Бай Лао сдался.

— Но ведь сесть можно только на кровать.

Жизнь Фэн Ся нельзя было назвать скучной, но едва ли что-то в последнее время веселило его сильнее.

— И что тебя останавливает?

— Уместно ли такое для слуги?

Фэн Ся вздохнул, отложил ложку, не осилив и половины уже остывшего бульона. Коротко кивнув на изножье кровати, он подождал, пока мальчишка излишне скромно пристроится на самый её край.

— Но я не вижу перед собой слуги. Как твоё ухо, а-Лао? Хорошо ли оно зажило? Нравится ли тебе твоё украшение?

Бай Лао неосознанно потянулся к серёжке. Золото под пальцами ощущалось тёплым, нагретым жаром пустыни. В памяти стыдливой волной поднялось воспоминание того вечера у фонтана, его неуместная истерика и чувство горького унижения. Серёжка коротко звякнула. Она ему не нравилась, чего греха таить, но кое-что всё-таки было.

— Мне нравится, как она звучит.

«Как цепочки на твоих нагрудных пластинах, сяньшен».

Она звучала тонко, мелодично. Как звук огненной смерти той роковой ночи. Как звук спасения.

— Не припомню, чтобы слуги носили такие. Их носят только наложницы. Ты знаешь, что делают наложницы? Что с ними делает мой отец?

Бай Лао кивнул. В конце концов, то, что пытался до него донести Фэн Ся, и так заложено в половине его естества. Хотел ли он этого и был ли у него выбор — всего лишь риторика. Непонятным оставалось одно, чего сам Фэн Ся хотел добиться этим диалогом.

Бай Лао вновь захотелось оскалиться, как тогда, у фонтана. За свою недолгую жизнь при дворце он немного преуспел прятать клыки и когти и терпеть всякое отношение. Но за свою недолгую жизнь на свободе он видел немало грязи и там тоже, в основном, надо было терпеть, хотя и не обязательно. Конечно, он всё ещё испытывал страх перед Фэн Ся, но уже не так явно, почти отдалённо. Что ещё он может сделать с ним? Снова назвать щенком? Опять же, это половина его естества.

И если господин хочет честности, кто он такой, чтобы его послушаться?

— Могут ли идти, Хуа-сяньшен?

Фэн Ся вздёрнул бровь и внимательно посмотрел на сидящего перед ним. Глаза Бай Лао, два тёмных изумруда, резали без ножа. То были глаза не ребёнка, но сущности куда более опасной, древней.

Хуа-сяньшен

Бай Лао не был человеческим ребёнком и об этом не следовало забывать. Как много он успел узнать? Что из этого сможет обернуть в свою пользу? Вопросы были занятыми. Фэн Ся неуверен, что хотел бы узнать ответы.

Но в одном он был уверен точно — слышать собственное, настоящее, имя было приятно. И хотя, имя, данное отцом, он носил с гордостью, как подобает хорошему сыну, оно было подделкой. Унизительной ширмой былых княжеских ошибок. Да, Фэн Су назвал его именем меч — назло отцу. Чуньшен звала его так — в отместку мужчине, укравшему у неё остатки свободы. Никто не делал этого без причины. Никто, кроме...

— Ты и впрямь лиса, — с улыбкой ответил он, — отнеси это обратно на кухню и можешь идти.

Бай Лао, не ожидавший такой реакции, даже растерялся, но, быстро взяв себя в руки, поспешил подхватить поднос. Кажется, стремясь побыстрее покинуть покои, он даже забыл поклониться.

Хуа-сяньшен

Эхом звучало в воздухе.

Звучало так сладко.

<http://bllate.org/book/14934/1323641>